

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

«Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в.

XVIII век — время превращения исторических знаний в науку. Уже в первой половине XVIII в. появляются исторические труды нового типа — «Ядро российской истории» А. И. Манкиева и «История российская» В. Н. Татищева, известные русским читателям первоначально по рукописным спискам.

Расцвет русской историографии приходится на вторую половину века, когда возникают многочисленные авторские работы по истории Русского государства — И. Н. Болтина, В. В. Крекшина, П. И. Рычкова, Н. И. Новикова, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера. Издаются исторические труды М. В. Ломоносова. Увлекается писанием истории Екатерина II, материалы по истории России посылаются Вольтеру. Печатаются сочинения Манкиева и Татищева, «Журнал, или Поденная записка Петра Великого», «Российская история» Ф. А. Эмина, первые тома «Истории российской» М. М. Щербатова.

Развитие это было несомненно подготовлено движением исторической мысли XVII в., тем новым периодом в отечественной историографии, который принято называть переходным от летописного к научному.¹

На всем протяжении XVII века идет поиск новой формы исторического произведения — отказ от системы летописных погодных записей, создание «истории», отвечающей деловым и идеологическим потребностям укрепляющегося абсолютистского государства.² Большую роль в этом процессе сыграли исторические повести «Смутного времени»; будучи еще не столько историей, сколько политической публицистикой, они уже являются «новыми» для XVII в. произведениями, посвященными одной теме, проводящими единую политическую тенденцию. Они же послужили источниками для последующих писателей: так, Федор Грибоедов использует в своей «Истории» Сказание Авраамия Палицына.

Потребность написания исторических работ во второй половине XVII в. носилась в воздухе. Над русской историей трудится Ю. Крижанич, новую «Степенную книгу» составляет дьяк Федор Грибоедов, распространяется в Москве печатный Синописис.

Необходимость историографической работы сознавалась правительством Алексея Михайловича, для чего в 1657 г. был организован Записной приказ во главе с дьяком Тимофеем Кудрявцевым, которого затем сменил Григорий Кунаков. Задачей их было продолжение «Степенной

¹ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1, Л., 1961, стр. 44.

² См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 375—376.

книги» со времен царя Федора Ивановича до 1657 г. Начать же историю предполагалось с рассуждений «о сарматском, словенском и русском народах» по хронике Матвея Стрыйковского, с призвания варягов и далее от Рюрика написать о русских князьях «перечнем».³ Дьяки обращались за рукописными книгами и документами в Посольский, Разрядный и Патриарший приказы, к частным лицам, к очевидцам событий. Отсутствие документов и источников предопределило неуспех всего дела, ибо тот же Посольский приказ не передал дьякам никаких материалов, продолжая сосредоточивать в своих руках историографическую работу. Л. В. Черепнин считает, что именно запрос из Записного приказа побудил создать в Патриаршем приказе «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича» — труд историко-философский, связывающий церковную историю Руси с историей происхождения христианства и церкви вообще.⁴

Если историки XVIII в. рассматривали степенные книги, хронографы, летописи, дипломатические документы прошлого как источники для своих трудов, подвергали их отбору, критиковали так называемые легенды XVI в. — о происхождении рода русских князей от Августа кесаря, о призвании варягов, о Мономаховых регалиях, то для историографии XVII в. это еще настоящее, и первым двум представителям династии Романовых приходилось доказывать свое исключительное право на русский престол и подтверждать свое «братство» в сложном родстве европейских государей именно с помощью этих легенд.

Если в XVIII в. история понимается уже как история государства, то для складывающегося абсолютизма XVII в. она отождествлялась с историей государей и, может быть, поэтому форма «Степенной книги» являлась наиболее удобной и влияние ее на последующие исторические труды особенно велико. Однако требование новой формы было во второй половине XVII в. теоретически обосновано в практическом руководстве по составлению истории — «Историческом учении», наставлявшем писать «по чину историческому» и «по обычаю историков».⁵ Произведение это, источниковедчески совершенно не изученное, возможно переводное и компилятивное, несомненно связано с общеевропейской исторической ученостью и с идеями гуманистов; так, важнейшим аргументом автора служит афоризм Платона: «Подданные благоденствуют тогда, когда или философ царствует, или царь философствует».

70-е годы отмечены большой «издательской» деятельностью Посольского приказа.⁶ Руководителем, а возможно и инициатором этого предприятия был глава приказа Артамон Сергеевич Матвеев, о чем он, ссыль-

³ См.: С. А. Белокуров. Из духовной жизни Московского общества XVII в. М., 1903, стр. 53—84; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ. № 14, М., 1945, стр. 109. (Далее: Л. В. Черепнин. «Смута»); Д. С. Лихачев. Наука и просвещение в России до XVIII в. — В кн.: История Академии наук СССР, т. 1, М.—Л., 1958, стр. 17—18); С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 53—56.

⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута», стр. 114.

⁵ Текст «Исторического учения» — ГПБ, Ф. IV. 159; Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871, Приложения, стр. XXXV—XLII; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 45—52, 57.

⁶ См.: И. М. Кудрявцев. Издательская деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.). — Книга. Исследования и материалы, сб. VIII, М., 1963. Тут же приведена наиболее полная библиография по Титулярнику. Основное внимание исследователей привлекали иллюстрации Титулярника, текст его не был предметом изучения.

ный, подробно писал царю Федору Алексеевичу из Пустозерска, прося о помиловании.⁷

Первая из роскошно иллюстрированных рукописных книг — «Корень великих государей царей и великих князей российских», или «Государственная книга», т. е. «Титулярник», «строилась» в Посольском приказе в январе—мае 1672 г. Текст книги составлялся двумя посольскими служащими — переводчиком Николаем Спафарием и подьячим Петром Долговым. В иллюстрировании «Титулярника» был занят целый штат иконописцев, золотописцев, художников. Тираж этого «издания» — три экземпляра — целиком дошел до нас. Первый большой «Титулярник», в десять, был сделан для Посольского приказа, два других, малых, в полдесять, взяты «в Верх», в царскую библиотеку.⁸

В «Титулярнике» помещены портреты русских князей и царей, всех русских патриархов от Иева до Питирима, включая Игнатия и Никона, портреты современных вселенских патриархов, всех западных и восточных правителей, с которыми русские цари имели «ссылки». Одновременно книга служила гербовником: в ней имеются гербы *российский* и всех русских княжеств, а также всех западных и восточных государей. В малых титулярниках прибавлены портреты польских королей, начиная со Стефана Батория, и портреты сыновей царя Алексея, последним изображен маленький Петр.⁹

Хотя первоначально «Титулярник» был предназначен в основном для нужд Посольского приказа, для более удобного знакомства с правилами титулования и справок по дипломатической истории, но в какой-то мере он выполнил задачи, стоявшие перед дяками Записного приказа и имел разностороннее назначение.

В «Титулярнике» изложены три темы: родословие государей российских как родословие династии Рюриковичей—Романовых, история учреждения патриаршества на Руси и поставление в патриархи Филарета — Федора Романова, история дипломатии — история дипломатических сношений с иностранными державами царей из династии Рюриковичей—Романовых. Эта триединая история идеологически утверждала на престоле новую династию.

Родословие «Титулярника» и история поставления на патриаршество Филарета построены на двух официальных памятниках — «Проекте Утвержденной грамоты» 1613 г.¹⁰ и «Сказании о поставлении на патриаршество Филарета».¹¹ Однако, где кончается использование одного источника и начинается обработка другого, сказать трудно, так как, во-первых, «Проект» обрывается на известии об отправлении митрополита Филарета и князя Голицына с посольством в Польшу и мы не знаем, существовал ли полный его текст, и, во-вторых, «Сказание»

⁷ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. Изд. Новикова, СПб., 1776, стр. 34—35.

⁸ ЦГАДА, ф. Дрвлекранилища хартий и рукописей, 5 отд., рубр. III, № 7; ГПБ, собр. Эрмитажной библиотеки, № 440; Библиотека Государственного Эрмитажа, № 78172. (Далее текст Титулярника цитируется по рукописи: ГПБ, Эрмит. 440).

⁹ Новорожденный Петр нарисован трехлетним ребенком, что послужило поводом для ошибок в датировании малых титулярников. Загадками последних является отсутствие портрета царевича Федора, старшего сына и наследника царя Алексея.

¹⁰ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С. А. Белокурова, М., 1906. Текст «Проекта» дан Белокуровым в разнотчтениях к тексту «Грамоты» и в «Приложении» по списку Гос. дрвлекранилища Архива Мин. иностр. дел (Отд. III, рубр. 1, дело № 6. Хранится в ЦГАДА).

¹¹ ДАИ, т. II, СПб., 1846, № 76, стр. 193.

само включает в себя текст «Проекта». Начиная с традиционной характеристики царя Федора Ивановича — «Сей же царь и великий князь Федор Иоаннович всеа России поистинне еже есть дар божий, ни о чем же о мирском царствии упражняшеся...», — текст всех трех памятников, «Проекта», «Сказания» и «Титулярника», очень близок.

После известия о поставлении на патриаршество Филарета следует характеристика царя Михаила, выдержанная в стиле деловых документов Посольского приказа, основное внимание ее направлено на дружбу первого Романова с окрестными государями. Описание болезни и смерти Михаила также выдержано в тоне документальных сообщений, а предсмертная речь его, возможно, написана специально для «Титулярника». Эта речь — завещание, в котором он передает власть своему сыну Алексею, утверждая тем самым на русском престоле династию Романовых.

Следуя за текстом «Проекта» (который в первой своей части мало отличается от самой «Утвержденной грамоты»), «Родословие» «Титулярника» дает краткие политические характеристики русских князей, близкие к литературной манере «Степенной книги»: «По Игоре же содержаше Российское государство в Киеве сын его князь великий Святослав в лето 6454-е. Сый исполнь храбрского подвига, и по Дунаю восьмьдесят градов облаадаше. Такжеде и на Цареграде тяжчайшую дань взя и убиен бысть князем печенежским в лето 6480-е».¹²

Текст «Утвержденной грамоты» 1613 г. в свою очередь не оригинален, а восходит к «Утвержденной грамоте» Бориса Годунова 1598 г.

Резкие расхождения «Грамоты» и «Проекта», написанного, по мнению Л. В. Черепнина, Авраамием Палицыным,¹³ начинаются с описания правления Бориса Годунова, с его характеристики. Если в «Утвержденной грамоте» 1613 г. сказано о Борисе «и правяше скифетр великого Российского царствия семь лет во всем благочестиво и бодроопасно», то в «Проекте», а за ним и в «Титулярнике» он назван убийцей царевича Дмитрия и гонителем Романовых: «И покусися и самое то царствие прияти, и род царский затерти и подавити, яко пшеницу в тернии».¹⁴

Романовы, вступая на престол, не шли на обострение политических вопросов, использовали официальные документы Бориса Годунова, так как избрание его было первым царским избранием, законность этого акта надо было подтвердить и опереться на него, тем более, что в мотивах избрания было много сходного — на престол сядися родственник царя по женской линии. Тем самым Борис Годунов имел не меньше прав на престол, чем Михаил Романов.

Укрепившись на престоле, Романовы круто изменили свое отношение к правлению Годунова, утверждая в официальном памятнике свои исключительные права на престол. В выборе между текстом «Грамоты» и текстом «Проекта» перед нами преднамеренный, сознательный и тенденциозный подбор документов, то, что можно назвать критикой источников.

В родословии «Титулярника» четко сформулирована теория богоизбранности династии Романовых, как единственно законных продолжателей династии Рюриковичей. Враги ненавидели молодого Михаила, так как «от многих слыша», что он будет самодержцем Российского царства,

¹² ГПБ, Эрмит. 440, л. 3. Ср. с текстом Степенной: «В та же времена сын ея великий князь Святослав воева на Болгары и по Дунаю взя осмьдесят градов и самодержествуя живый в Болгарех в Переяславцы и на Цареграде дани и выходы влимаше» (ПСРЛ, т. XXI, ч. I, СПб., 1908, стр. 12).

¹³ См.: Л. В. Черепнин, «Смута», стр. 116.

¹⁴ Утвержденная грамота, стр. 28, стр. 94.

«многизды помысливше яти его и х кралю отослати. Но безделен бысть лукавый совет тех, и блюдомага божиима всемогущима дланма никакo же оскорбити возмогoша».¹⁵

Концепция эта, фигурирующая еще в «Новом летописце»,¹⁶ повторяется и историками XVIII в.

Вторая тема «Титулярника» — о патриаршестве. Положение, когда на царском престоле сидел сын, а на патриаршем — отец, представлялось правительству Алексея Михайловича идеальным равновесием светской и духовной власти. В годы, когда судебное дело Никона, пытавшегося поставить патриаршую власть выше царской, было еще свежо в памяти, тема эта имела особый политический смысл.

Третья часть «Титулярника» — собственно история дипломатии, содержащая сведения, когда с какими государями начинались «ссылки» и каковы они теперь. В подтверждение приводятся начала дипломатических грамот с изложением титулов как русских, так и иностранных государей. В истории дипломатии проводится та же проромановская тенденция — после дипломатических грамот царя Федора Ивановича сразу идут дипломатические документы царя Михаила, полностью игнорируется внешняя политика Годунова, Шуйского, не говоря уже о самозванце.

Вероятно, при составлении в 1672 г. «Титулярника» в Посольском приказе были разобраны документы. Это дало повод сделать в 1673 г. новую перепись дел Посольского приказа, и выявилось большее количество дел, чем было известно при составлении «Титулярника», так как уже в первый экземпляр «Титулярника» вносились поправки в виде приписок на полях, делавшиеся служащими Посольского приказа для своих практических справок. Интересен в этом отношении список ГБЛ, которому предпослано оглавление типа подробной аннотации с цитированием начала статей и указанием страниц.¹⁷

В самом тексте «Титулярника» есть указания на то, что проводился розыск материалов: «И у великих государей царей и великих князей российских с курфирстры с мейнским, с коленским, с триерским, с ренским, з баварским зсылки были-ль, в государственных посолских книгах не сыскано».¹⁸

Иногда сопоставляются разные источники, дана их критика: «Описание королей свейских, которые быша до рожества Христова, кто же в которое лето королевствовати нача, и того за несогласием многих летописцов не обретоша».¹⁹

Большое внимание в «Титулярнике» уделено делам польским. С них собственно и начинается история дипломатии, ибо после присоединения Украины в царском титуле появились новые элементы — царь стал титуловаться «великия и малыя и белыя России самодержцем», «титла пишутся с новоприбылыми княжествами».

История конфликтов с польским королем и переговоры с Богданом Хмельницким изложены в «Титулярнике» по текстам постановлений Земских соборов 1651 и 1653 гг.

¹⁵ ГПБ, Эрмит. 440, л. 7.

¹⁶ См.: Л. В. Черепнин. «Смута», стр. 83—86.

¹⁷ ГБЛ, собр. Ундольского № 819 (М 8639). Около титула шведского короля: «королю и отчинному князю» примечание на полях: «и отчинным князем свейский король писатись в грамотах своих не учел, как он коронован в прошлом во 182 году. У великого государя в грамотах с того времени отчинным князем не пишут же» (л. 87 об.).

¹⁸ ГПБ, Эрмит. 440, л. 170.

¹⁹ Там же, л. 149.

Королю Яну Казимиру ставилось в вину неисправное титулование русских царей: Михаилу Федоровичу, патриарху Филарету, Алексею Михайловичу и «всему Росийскому царствию учинены злые безчестья и укоризны, и хулы, чего не токмо великим государем христианским, помазанником божим, и простому человеку слышать не годитца». ²⁰ В актах Земских соборов сказано: «...слышати и терпети невозможно и помыслити страшно». ²¹

Мотивировка обращения Богдана Хмельницкого к русскому царю также взята из материалов Земских соборов:

«А к т ы»

Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси запорожский гетман Богдан Хмельницкой и все войско запорожское посланников своих многижда, что паны Рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру греческаго закона и на святых божия восточных церкви возстали, и гонение учинили большое и их, запорожских черкас от истинной православной христианской веры, в которой они издавна живут, учили отлучать и неволигь к своей римской вере, и церкви божии запечатали, а в иных учинили унию. ²²

«Т и т у л ь а р н и к»

И в прошлом во 161-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу войска запорожского гетман Богдан Хмельницкой со всем войском Запорожским обоих сторон Днепра от полского Яна Казимера короля в подданство, что им от короля и от Речи Посполитой учало быгь гоненис, и благочестивые церкви греческаго закона превращати в костелы и в унсю. ²³

К польским делам возвращается «Титулярник», разбирая вопросы родословия польских королей. Это один из немногих случаев, когда под 7086 г. приводится полностью текст грамоты, написанной от имени бояр к Стефану Баторию с изложением родословия русских князей от Августа Кесаря и их «братства» с другими европейскими государями: «А Седмиградского государства нигде есмь не слышали» и «государю вашему Стефану с нами в родном братства быти непригоже». ²⁴

В тексте «Титулярника» находим мы и полный перевод грамоты константинопольского патриарха Иоасафа Ивану IV с утверждением его в царском титуле, с упоминанием, что у подлинной грамоты «у переводу по склейкам рука Константина Христофорова». Есть основания думать, что эта грамота была вторично переведена с греческого в 1670 г. специально для «Титулярника». ²⁵

Вероятно, из статейных списков попали в «Титулярник» имена многих послов, посланников, гонцов.

«Титулярник» — не только справочник для дипломатов, но и книга для чтения. В нем чувствуются отголоски литературных произведений, проникших в текст «Титулярника» в основном под влиянием «Степенной книги».

В характеристике Александра Невского: «...храбрый князь, великий Александр Ярославич зовомый Невский, иже над германы преславную победу показа на реке на Неве, и на христианскую веру безбожнаго Бер-

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Акты, относящиеся к истории Земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье, М., 1909, стр. 67. (Далее: Акты).

²² Акты, стр. 72.

²³ ГПБ, Эрмит. 440, л. 11.

²⁴ Там же, л. 137 об. Вероятно, имеется в виду грамота, посланная с польским послом Станиславом Крыйским. Ср.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, Послание польскому королю Стефану Баторию, стр. 217, 656, 658, 660.

²⁵ Соборная грамота 1561 г. Изд. М. А. Оболенского, М., 1850, стр. 48.

кая царя льяворостный гнев в орде укроти, и по смерти даром чудесы от бога прославлен. Преставился же в лето 6771-е, во мнишеском образе имя бе ему Алексей»²⁶ видна обработка редакции «Жития Александра Невского», помещенного в «Степенную книгу».

Почти дословно по тексту «Степенной» приводится история спасения Москвы от «нахождения Темир-Аксака» заступничеством «чюдотворного образа пречистыя богоматери, его же богогласный Лука написа»,²⁷ а также легенда о воцарении Тамерлана — «той Темир-Аксак не царь бе родом», история происхождения имени Темир-Аксак — Железная нога, рассказ о его жестоких завоеваниях.

Из «Степенной книги» попал в «Титулярник» отрывок из «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера о знамени, предвещающем гибель Царьграда: «А месяца мая в 21 день против пятка в Царствующем граде бысть знамение страшно... яко осветившуся граду... и видяху вси из окон церковных велику пламени изшедшу».²⁸

В манере «Степенной книги» составлен панегирик Ивану Грозному:

«Титулярник»

... благочестию рачитель и по христианской вере крепкий поборник, и в своих государственных чинех и поведениях зело премудр. И высочайшую честь, и вышехваленую славу царствия — венец на главу свою восприят, его же взыска от древних лет, от прародителя своего великого государя и великого князя Владимира Манамаха. От премудраго же его разума и от храброго подвига все окрестные государства имяни его трепетали, зане знаменит бе и храбр и в победах страшен. И мусульманские государства, царство Казанское, царство Астараханское и царство Сибирское и ливонских немец землю под свою высокую руку покори, и в плену держимых христиан тмочисленных свободы. Наипаче же от потрясения меча его германстии родове страпишася.²⁹

«Степенная книга»

Сие богоподражательный победоносец боговещанный царь, благодатное имя Иван, богу поспешествующу ему великий подвиг показа за порученную ему от бога пасиву словесных овец достохвальную победу над враги сотвори и христианский плен от поганых татар посвоиси возврати и богом дарованное ему царство Казанское благоразумно усрои, яко же лепо быти ему... Бысть же радость велия и неизреченна о такове преславной победе не токмо во едином Русьском царствии, но и во всех дальних странах, иде же истинное православие, во иноверных же странах бысть тогда печаль и уныние и страх, и мнози страны мира требовашу.³⁰

Из «Степенной книги» дополнилось «Родословие» «Титулярника» именами князей Святополка Изяславича, Мстислава и Ярополка Владимировичей, Всеволода и Игоря Ольговичей. В рассказ о великом князе Василии Дмитриевиче добавлено, что он «женат был у великого князя Литовского у Витофта на дочери Софии. А дочь его, великого князя Василия, княжна Анна была замужем за греческим царем за Мануилом Ивановичем Палеологом».³¹ Сведений этих нет в тексте «Утвержденной грамоты» и «Проекта».

«Степенная книга» не была единственным источником для первой части «Титулярника». Подробная история о присылке царских регалий Владимиру Мономаху взята составителями из «Сказания о князьях Владимирских». Соотносится текст «Титулярника» и с повестями «Смутного

²⁶ ГПБ, Эрмит. 440, л. 4; см.: Манси́кка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и текста). — ПДП, CLXXX, 1913, стр. 158; ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 8.

²⁷ ГПБ, Эрмит., 440, лл. 4 об., 198; ср.: ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб, 1913, стр. 408—409.

²⁸ ГПБ, Эрмит., 440, л. 191 об., ср.: ПСРЛ, XXI, ч. 2, стр. 499, 501.

²⁹ ГПБ, Эрмит. 440, л. 5—5 об.

³⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 648—649.

³¹ ГПБ, Эрмит. 440, лл. 4 об.—5; ср.: ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 413—414.

времени». Мы находим упоминание о том, что Гришка Отрепьев был сожжен в «соделанном от него адском ларе» — в «Проекте» сказано «киотице». Противоречивые сведения об этом сооружении — медном змее, изрыгавшем пламя (у автора «Иного сказания»), маленькой крепости, украшенной изображениями чертовых голов (у Исаака Массы), деревянном аде (в «Сказании о самозванце» и в «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»), — дали основания ученым видеть в нем то театр и театральную декорацию, то гуляй-город.³²

Рассказ об «Аде» расстриги есть и в Хронографе,³³ откуда, возможно, он попал в маленький Лицевой летописец конца XVII в., компилятивное произведение о «Смуте», иллюстрированное, как и «Титулярник», портретами русских царей и сценой убийства царевича Дмитрия.³⁴

Однако «Титулярник» не только книга для чтения, но и книга учебная. Возможно, он был в числе тех исторических книг с иллюстрациями, которые использовал Никита Зотов, обучая истории маленького Петра. Возбуждая интерес Петра к «кунштам», учитель показывал ему картинки и рассказывал о русской старине, о делах его отца и деда, о царе Иване Грозном, о Дмитрие Донском, Александре Невском, князе Владимире.³⁵ Из библиотеки царевичей копии «Титулярника» попадали в библиотеки других высокопоставленных лиц. Так, у кн. В. В. Голицына была «книга о послах»,³⁶ возможно «Титулярник». Известен «Титулярник» и в библиотеке гр. Г. Орлова. В Публичной библиотеке есть список «Титулярника» с медальонами для портретов.³⁷

Занимаясь вопросами русской истории, интересовался «Титулярником» М. В. Ломоносов.

«Титулярник» можно рассматривать и как произведение искусства. Иллюстрированный портретами, гербами, орнаментированный яркими рамками с фантастическим растительным узором, близким книжному печатному орнаменту, с тщательно выписанными пышными одеждами царей, он принадлежит к произведениям барокко.

Портреты большого «Титулярника» резко отличаются от портретов двух малых. Если в большом все князья до Ивана IV выполнены в традиционной иконописной манере, то в малых титулярниках все портреты носят светский характер, что более соответствовало его «учительному» назначению. Возможно, в этом различии отразились споры об иконописи и живописи второй половины XVII в. Фантастический портрет князя Святослава вполне согласуется с его характеристикой в «Родословии» как князя воина. Он показан в движении, может быть в бою, прикрывается щитом, меч занесен как бы для удара, не помещается в рамках медальона, фигура дана в повороте, пряди бороды отнесены назад, что дополняет впечатление движения.

³² ПДП, изд. ОЛДП, СХ, 1895, стр. 4. Сказание о Самозванце по списку Московского публичного музея № 3141. Сообщение С. Ф. Платонова. Последний ссылается на П. О. Морозова (статья «К истории русского театра») и Ф. А. Витберга (Русская старина, 1892, декабрь, стр. 596—616).

³³ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 237—240.

³⁴ ПДП, СIV, Лицевой летописец XVII в. Изд. С. Ф. Платонова и Н. В. Покровского, СПб., 1893.

³⁵ Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. — Записки русских людей. События времен Петра Великого. Изд. Сахарова, СПб., 1841, стр. 21.

³⁶ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1075.

³⁷ ГПБ, собр. Толстого, т. IV, 173 (I.215), список конца XVII—нач. XVIII в.

«Портретная сюита» титулярников, выполненная одним из учеников Симона Ушакова, Иваном Максимовым, «сыграла значительную роль в подготовке светского станкового портрета в русском искусстве XVII в.»³⁸ По образцу парадных портретов «Титулярника» писались портреты царей Алексея, Федора, Петра, Софьи. В 1703 г. портретами царей Михаила и Алексея были украшены триумфальные ворота, построенные для встречи Петра, возвращавшегося в Москву из шведского похода после завоевания Шлотбурга, Ямбурга, Копорья.³⁹

Образцами для помещенных в «Титулярнике» портретов европейских королей, римского папы, венецианского дожа послужили известные на Руси западные гравюры. Портретность европейских государей несомненна. Так, Карл XI, про которого в «Титулярнике» сказано, что он остался после смерти своего отца Карла Густава пяти лет, изображен ребенком с длинными волосами.

Предполагается, что портрет грузинского царевича Николая Давидовича сделан с натуры.

Словесный портрет авторов XVII в. воплотился в «Титулярнике» в портрет живописный. Эту традицию продолжил Татищев, сочинивший для своей истории словесные портреты и пытавшийся иллюстрировать ее портретами великих князей, правда неудачно, так как выполненные Касселем, они не удовлетворили историка.⁴⁰

Гербовники вызывали у русского читателя интерес и становились неотъемлемой частью исторических трудов XVIII в. Так, «Ядро российской истории» Манкиева заканчивается описанием всех гербов «державы Российской и уездов, в ней содержимых».

Возможно, знакомство с гербами «Титулярника» определило интерес к символическим изображениям и впоследствии способствовало успеху книги «Символы и эмблематы».

Не только иллюстрации, но и текст «Титулярника» оказал влияние в целом ряде деталей на последующие исторические работы. В них включаются царские родословия, повторяющие схему официального родословия «Титулярника» (у Манкиева, Крекшина, Татищева).

К XVIII в. складывается традиция включать в историческое изложение большое количество документов. Ломоносов, критикуя I том «Истории Сибири» Миллера, замечает, что большая часть ее «не что иное есть, как только копия с дел канцелярских», и добивается постановления Академии наук, предписывающего ограничиваться ссылками на архивные документы.⁴¹

Однако в дипломатической практике вслед за «Титулярником» продолжали составляться сборники документов и справок, как бы продолжая начатую в 70-х годах работу.

Так, при подготовке Великого посольства Посольский приказ делает копии статейных списков за XVII век в страны «папина, цесарская, венецкая, флоренская, галанская, дацкая, аглицкая, бранденбургская», решает вопросы титулования.⁴²

До нас дошел ряд исторических сочинений конца XVII — начала XVIII в., целиком идущих в русле тем и традиций «Титулярника»:

³⁸ Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955, стр. 76.

³⁹ См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. М.—Л., 1958, стр. 91.

⁴⁰ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 233.

⁴¹ См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 562.

⁴² См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 71.

«Краткое описание жития, владения и смерти государствующих королей шведских от рождества Христова даже до сего времени (1697) из лучших шведских писателей сыскано», «Описание Рима и двора папского», «Пресветлейший свет, или Краткое приятое генеалогическое и политическое описание почитай всех нынешних живых пресветлых высоких персон».⁴³

Задача собрания дипломатических документов стояла и во времена Екатерины. Необходимость иметь «дипломатический корпус», издание дипломатических документов Миллер незадолго до назначения своего начальником архива иностранных дел мотивировал тем, что оно было бы пригодно для тех, «которые предназначаются в „министры“, а „издание записок посольства с древних времен“, как он называл несомненно статейные списки, было бы „сокровищем для истории и еще более для образования молодых политиков“. Екатерина открыла Щербатову доступ к архивным актам и вслед за тем предписала Миллеру готовить дипломатический корпус».⁴⁴

Сам «Титулярник» вызывал интерес. С него в XVIII в. была сделана рукописная копия со всеми иллюстрациями в красках.⁴⁵

В 90-х годах XVIII в. текст «Титулярника» дважды издавался. Первое издание — в XVI томе «Древней российской вивлиофики», но не с подлинника, а с какого-то более позднего списка, имеющего прибавления: историю происхождения славян от потопа до собора 7000 г. В перечислении князей в печатном тексте путаница, в истории дипломатии пропуски, характерные для одного из списков ГПБ.⁴⁶

Вторым явилось сокращенное издание историка Тимофея Мальгина под названием «Чинovníк российских государей», сделанное с одного из подлинников, — «для любителей отечественной истории».⁴⁷ Мальгин издал только «Историю дипломатии», а «Родословие» намеревался впоследствии заменить им самим сочиненным и три раза изданным «Зерцалом российских государей». Объясняет он свое предприятие желанием сохранить для потомков замечательный памятник, если рукописные экземпляры не сохранятся. Однако подлинники «Титулярника» известны едва ли не лучше, чем издания XVIII в.

«Титулярник» — типичный памятник переходной эпохи XVII в. Его отличие от летописного изложения истории и приближение к историческим трудам XVIII в. несомненно. Четкая концепция, монографичность отличает его от летописи, стремившейся прежде всего к наиболее полному охвату событий. Упадок летописания в XVI в. вызвал соединение летописи с архивом, но летописец использовал в основном текущую дипломатическую документацию. Обращение авторов «Титулярника» к архиву Посольского приказа XVI в. — грамотам и статейным спискам — и к официальным документам 1613 г. возводило их в ранг исторических источников, что характерно уже для историографии XVIII в.

⁴³ ГПБ, Q. IV. 87, нач. XVIII в.; Q. IV. 125, кон. XVII в.; Q. IV. 117, нач. XVIII в.; см.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 71.

⁴⁴ С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л., 1934, стр. 53.

⁴⁵ ГПБ, F IV. 764.

⁴⁶ ГПБ, F IV. 220.

⁴⁷ Чинovníк российских государей... Изд. Т. Мальгина, СПб., 1792.